

Исторические корни «номенклатурной революции» 90-х годов XX века в России: генезис, эволюция, механизмы функционирования авторитарно- бюрократической системы

**Ю.В. Аксютин, доктор исторических наук
В.В. Журавлев, доктор исторических наук**

В рамках краткого периода своего пребывания на вершине кремлевского холма власти Ю.В. Андропов успел опубликовать в журнале «Коммунист» теоретическую статью, лейтмотивом которой стал тезис о том, что мы не знаем общества, в котором живем. Реальная действительность двух минувших с тех пор десятилетий не только не прояснила, но несравненно усложнила, более того — запутала ситуацию, связанную с возможностью адекватного осмысления данной проблемы. Одно, однако, осталось практически неизменным: могучая армия отечественного чиновничества как была в советскую эпоху, так и осталась сегодня во многом «terra incognita» — непредсказуемой социальной силой, спрогнозировать объективные результаты и последствия кипучей энергии которой — энергии, нацеленной на свое социально-экономическое, политическое, правовое, материальное, иное самоутверждение — для судеб государства и общества практически невозможно. Вот почему так важно понять обстоятельства становления, анатомию, эволюцию механизмов функционирования и краха той системы власти, которая была характерна для одной шестой части Земли на протяжении двух третей XX века. Ибо несущие конструкции ее не рухнули вместе с советским строем. Мало того, обретя новое качество, они дают знать о себе по сей день.

Имя этой модели властвования и образа социальной жизнедеятельности общества в целом — авторитарно-бюрократическая система. Все, что на протяжении десятилетий советской истории определяло стиль и способ существования социализма, а также расхожде-

Историко-политологический семинар

ния реальных экономических, социальных, политических практик с действующими (а чаще только декларируемыми) формально-правовыми институтами, являлось не чем иным, как способом существования данной системы власти и общества, проявлением ее формообразующих признаков. Доказательством тому может служить огромный эмпирический материал, собранный отечественными историками советского общества, обширный круг источников, позволяющий осмысливать этот период под указанным углом зрения.

Отсюда вытекает задача оценить историческую судьбу этой системы с позиций внутренней логики ее становления, эволюции и перехода в иное состояние. Подобная оценка позволит подойти к выявлению исторических корней «номенклатурной революции» 90-х годов XX века в России.

* * * На закате «перестройки» (конец 80-х годов — 1991 г.) в ходу у всех на устах была брошенная Гавриилом Поповым дефиниция, способная, как тогда многим казалось, раскрыть суть советского строя: «административно-командная система». Ее на все лады — к месту и не к месту, но обязательно со ссылкой на Попова как на «демиурга» этого понятия — воспроизводили экономисты, политологи, социологи, историки, даже философы. Между тем дефиниция эта, во-первых, введена в оборот еще Л.Д. Троцким для характеристики «деформаций» (как тогда представлялось) в процессе становления советского общества 20-х годов, начинавших принимать системный и системообразующий характер. Во-вторых, данное понятие, по нашему (докладчиков) убеждению, не способно ухватить и охарактеризовать суть и формообразующие черты строя, существовавшего в СССР. Ибо любая общественная система прошлого и настоящего может быть охарактеризована - с теми или иными поправками и уточнениями - как административно-командная, если подходить к ней с позиций цементирующего ее государственного начала. С уровня этого критерия всякая социальная общность, организуемая государством, испытывает на себе действие таких непререкаемых функций государства, как администрирование и принуждение (командование), понуждающих граждан к организации своей жизнедеятельности в русле устанавливаемых этим государством норм и институтов. Для характеристики советской общественной системы в координатах присущих ей общего и специфического, на наш взгляд, лучше подходит другое понятие — «авторитарно-бюрократическая система». При этом под авторитарностью важно понимать не только форму власти («авторитаризм»), но и стиль жизни, пронизывающий отно-

шения в таком обществе на всех его уровнях, стиль мышления, стиль поведения как тех, кого можно считать субъектами авторитарного диктата, так и тех, кто служит массовым объектом этого диктата. Особенность пирамиды такого общества состоит в том, что практически каждый в нем является и субъектом и объектом авторитарного диктата, ибо диктат этот с самого верха спускается вниз, стремясь достичь уровня «первичной ячейки» общества, насаждая или поощряя определенные принципы во взаимоотношениях даже внутри семьи — мужа и жены, родителей и детей. Другое дело, что тут он не всегда срабатывал, но тем не менее такая тоталитарная тенденция имела место. Этот «рассеянный авторитаризм», пропагандируемый и внедряемый во все сферы и на всех уровнях общественных отношений¹, предполагает непременно наличие вождя, возвышающегося на вершине этой пирамиды. К нему сходится, на нем замыкается все, что происходит и должно происходить внутри данной системы.

Чтобы такая система функционировала, она должна иметь сильную и разветвленную властную вертикаль в виде пронизывающего все общество чиновничье-бюрократической иерархии полуфеодального типа. Ее особенность в том, что она изначально ориентирована на служение не обществу, а вождю — «сюзерену» и символу системы, имеющему ничем не ограничиваемые на практике права использовать всю имеющуюся в стране армию чиновников в качестве своих «вассалов». Но он не только неограниченный повелитель. Вождь — обязательный атрибут того, что призвано создать иллюзию всеобщего равенства — равенства не перед законом, а перед вождем, вольным казнить и миловать любого.

Существовавшие в стране с 1917 по 1991 годы политический режим и социально-экономическая система, которая определяется нами как авторитарно-бюрократическая система, имеют и много других обозначений, более или менее точно отражающих их отдельные стороны. Режим был по форме советский и коммунистический, а по существу революционный, военно-мобилизационный. Система, по сути, тоже была военно-мобилизационная, призванная преодолевать и успешно преодолевавшая гигантские трудности, создаваемые как внешними, так и внутренними обстоятельствами чрезвычайного характера. Она могла поставить перед собою, казалось бы, непосильные задачи, и тем не менее находила силы и средства, чтобы решить их. Яркие примеры тому — план электрификации России, индустриальный скачок, сплошная коллективизация крестьянства, победа в Великой Отечественной войне, атомный и ракетный проекты, освоение целины. Заметим, что почти все эти задачи носили ярко выраженный модернизационный характер и имели целью дог-

Историко-политологический семинар

нать и перегнать наиболее развитые в экономическом отношении страны.

Но в экономике, как и в живой природе, действует закон сохранения энергии. Ресурсы, взятые для срочного решения одной задачи, изымались государством из других секторов народного хозяйства. Это приводило к тому, что одни секторы развивались небывало быстрыми темпами, а другие отставали или даже деградировали, как, например, аграрный. Даже внутри отдельных отраслей могли быть предприятия довольно современные по уровню техники и технологии и удивительно отсталые. На текстильной фабрике имени Ногина в Вичуге, допустим, ткацкие станки-полуавтоматы английского производства 20-х годов продолжили работать и в 1968 году. А Чер-мозский металлургический завод на Верхней Каме долгое время и после войны продолжал действовать в таком же виде, в каком его видели прежние хозяева князя Абамелек-Лазаревы, хотя и перед теми стоял вопрос о его закрытии за нерентабельностью.

По мере роста масштабов экономики неоднократно ставился вопрос о необходимости исправления такого рода диспропорций. Сталин в 1934 году, Маленков в 1953 году и Брежнев в 1971 году собирались подтянуть производство средств потребления к производству средств производства. Но ничего существенного из намеченного ими в жизнь претворено не было. Хрушев сделал заметный поворот в сторону решения жилищной проблемы. Его курс на расширенное жилищное строительство был продолжен и при Брежневе. Но сегодня особенно очевидно, что взятые тогда масштабы и темпы оказались недостаточными.

* * *

Становление авторитарно-бюрократической системы происходило в первые после революции десять лет путем трансформации, перерождения революционной диктатуры, образовавшейся в результате прихода к власти большевиков. Процесс нового государственного строительства шел в сложных, чрезвычайных условиях гражданской войны, когда приходилось больше налегать на принуждение, чем на поощрение. Это заставляло большевиков постоянно идти на нарушение установленных ими же порядков. Расхождение между декларациями и действительностью было, пожалуй, одной из наиболее характерных черт становления новой системы. И трудно винить в этом кого-либо лично.

В апреле 1917 года Ленин очень точно отмечал преимущества советской избирательной системы во время революции по сравнению с обычной, парламентской: она охватывает самые активные

слои (рабочих и солдат) и в каждый данный момент отвечает их политическим симпатиям и антипатиям. Именно на волне этих симпатий и антипатий большевики приобрели осенью того же года большинство в Советах и смогли захватить власть. Но к лету следующего года революционные настроения заметно схлынули, и меньшевики с эсерами стали возвращать свое бывшее влияние в Советах. Дабы остановить эту тенденцию, стали прибегать к чрезвычайным мерам. Они включали в себя отказ в признании законными те перевыборы, которые заканчивались поражением большевиков, изгнание из Советов оппозиционных социалистических партий, передачу властных функций Советов их исполкомам и превращение этих самих Советов в некое подобие институированных митингов, время от времени собираемых для заслушивания речей своих руководителей и принятия резолюций. Тайные выборы депутатов путем подачи записок были давно заменены открытым голосованием путем поднятия рук. Также формально депутаты выбирали своих руководителей, утверждая те кандидатуры, которые предлагались им партийными комитетами большевиков. А те, в свою очередь, следовали указаниям и рекомендациям, исходящим из ЦК РКП(б) в лице его Оргбюро и орграспредела. И в этом тоже не было какого-то злого умысла со стороны Ленина и Свердлова.

Своеволие региональных и местных руководителей, их нежелание считаться с общими интересами мешали мобилизации ресурсов для выполнения тех задач, которые вставали перед центром. Характерно, что сеговования председателя Московского губисполкома Т.В. Сапронова, лидера группы «демократического централизма», на то, что ЦК и ВЦИК превращают их в простых исполнителей своей воли, в точности повторялись председателями уездных исполкомов, только жаловались они в ЦК и ВЦИК на тяжелую руку Сапронова. Ленин и большевики очень умело разыгрывали в ходе гражданской войны национальную карту. Шестидесятитысячное башкирское войско, державшее фронт между Уфой и Оренбургом, изменило Колчаку и 20 февраля 1919 года перешло на сторону Красной Армии в обмен на обещание автономии². Но та автономия, которая была предоставлена Башкирии, ни по территории, ни по полномочиям не могла удовлетворить их национальных лидеров, а постоянное и все время возрастающее давление со стороны местных (уфимских и оренбургских) большевиков и центра, наконец, односторонний пересмотр Москвой ранее заключенного соглашения об автономии заставили вождя башкир З. Валидова бежать в Туркестан, а затем в Турцию³. Лишь после этого центр вынужден был согласиться на упразднение Уфимской губернии и включении всех ее уездов в состав

Историко-политологический семинар

Башреспублики⁴, автономия которой, впрочем, к этому была сведена к минимуму. По схожему сценарию развивались события и в других автономиях — Татарии, Горской республике, Дагестане. В формально независимой Украине в 1919 — 1920 годах Ленин несколько раз менял персональный состав партийного и советского руководства, и каждый раз по причине чрезмерной «самостийности». Так что обнаружившиеся в конце 1922 года разногласия Ленина со Сталиным по грузинскому и вообще национальному вопросу не стоит преувеличивать, они касались тактики, методов, масштабов уступок и способов их преподнесения.

Ленин был прежде всего вождем восставших низов. Но оказалось, что мало захватить власть и удержать ее, мало приступить к разрушению старых порядков. Надо уметь еще пользоваться властью для создания новых порядков, не говоря уже об элементарнейшем поддержании жизни людей, устремившихся к светлому будущему, но лишенных (в результате войны и разрухи) элементарнейших условий человеческого существования. Большевицкая партийная верхушка буквально на следующий день после того, как встала у кормила власти в России, почувствовала, что в массе своей не способна профессионально управлять текущей жизнью страны. Людей, обладавших добротными организационными талантами, среди революционных агитаторов оказалось не так уж много. Ленину пришлось немало постараться, чтобы, например, снова привлечь на свою сторону Л.Б. Красина, в прошлом возглавлявшего боевую организацию большевиков, а потом занявшегося бизнесом и ставшего представителем германского электротехнического концерна «Симменс» в России.

Без соответствующего аппарата управления руководить государством и обществом оказалось невозможным. А аппарат этот, доставшийся большевикам от прежней власти, не хотел служить им. Чтобы овладеть им, чтобы преодолеть его сопротивление, саботаж, потребовалось затратить много сил, в том числе прибегнуть и к репрессиям.

Отношение к интеллигенции, к специалистам, таким образом, стало еще одной проблемой, изначально появившейся в момент взятия большевиками власти и так и не решенной определенным образом в течение последующих 74 лет.

Еще в сентябре 1917 года Ленин полагал, что никакой проблемы с ними не будет, что им все равно, из чьих рук кормиться, поэтому они не будут сопротивляться свержению буржуазии, а со временем, получив от пролетарского государства несравнимую с прежней гигантскую перспективу развития производительных сил в деле модернизации страны, целиком и полностью ей отдадутся. Надо лишь изо-

лировать от основной массы буржуазную верхушку, вполне, может быть, и репрессировав ее. Но первые дни и недели новой власти опровергли эти прогнозы. Буржуазия, полагая, что все это ненадолго, и озабоченная сохранением своего основного капитала, фабрик и заводов, вовсе не спешила, как принято считать, встать во главе контрреволюции. Другое дело массы средних слоев. Служащие государственных учреждений, общественных организаций, частных и муниципальных предприятий сразу же подняли свой голос против подавления свободы слова и угрозы установления диктатуры. Их отказ подчиняться распоряжениям новой власти, их забастовки стали первым массовым актом сопротивления ей, если не считать отдельных, локальных и не совпадавших по времени попыток прибегнуть к военной силе юнкеров и отчасти офицеров, то есть тех же средних слоев. И первые опыты применения репрессий большевики начали применять как раз по отношению к этим «саботажникам». А антибуржуазно настроенные низы их в этом активно поддержали.

Заметим в скобках, не раз в дальнейшем, когда казалось, что рабочие и крестьяне, а вместе с ними и красноармейцы и краснофлотцы вот-вот потеряют терпение и скажут своим правителям, чтобы они убрались прочь, советские служащие, опасаясь оказаться крайними, искали спасения у власти именно от угрозы погромов, угрозы вовсе не пустой. Так, самоубийством закончилась травля инженера В.В. Ольденборгера рабочими Московской водоканалки в 1921 году.

Поначалу Ленин полагал, что «страха ради» и за неимением другой перспективы чиновники в конце концов вынуждены будут прекратить саботаж и пойти на службу советской власти, если даже она не собирается платить им больше, чем рабочим. Но уже через несколько месяцев, в апреле 1918 года Ленин приходит к выводу, что распространять социалистические принципы распределения на «буржуазных специалистов» пока что рано, ибо приходится платить им дань «за нашу собственную отсталость в деле организации всенародного учета и контроля снизу». Предполагалось, что, «если сознательные передовики рабочих и беднейших крестьян» сумеют «организоваться, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину», то можно будет через год скинуть с себя эту «дань»⁵. В любом случае имелось в виду, что буржуазные специалисты (чиновники, офицеры, хозяйственники и даже владельцы фабрик и заводов) будут лишь инструментом в руках политического руководства, послушным исполнителем его воли.

Привычка командовать у большевиков вошла в кровь. В процессе становления аппарата советской власти сформировался новый тип чиновника — советского бюрократа, хваткого и циничного прагма-

Историко-политологический семинар

тика. Используя знания «буржуазного специалиста», но не пуская его «во власть», оттесняя на задний план, он не без успеха пытался присвоить себе и его прежние исключительные льготы и привилегии. Вскоре весь механизм государственного аппарата страны, вернее, его ведущие узлы, оказались в руках таких людей.

Любая власть предоставляет массу соблазнов тем, кто ею обладает. И соблазны эти тем сильнее, чем власть бесконтрольнее. В сентябре 1920 года специально для расследования таких дел среди коммунистов была создана специальная *контрольная комиссия*. И первым делом, которым

ей пришлось заняться, стало дело коменданта дома отдыха для ответственных работников в Пушкине (под Москвой) Махмуд-бека, к которому оказались примешаны самые «верхи» партии, безграничным доверем которых он пользовался. Среди них были сотрудник ВЧК, Наркомюста и малого совнаркома М.Ю. Козловский, управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич, секретарь ВЦИКа А.С. Енукидзе. Сам председатель ВЧК выдал ему мандат за своей подписью с довольно широкими полномочиями, пользуясь которыми тот заставлял окрестных крестьян чуть ли не в порядке особой повинности охранять дорогу к этому дому и вообще безобразно с ними обращался, вызывая тем самым их возмущение. И так длилось полтора года. Когда дело всплыло, к стыду особо покровительствовавших ему чекистов, выяснилось, что в прошлом Махмуд-бек был не то исправником, не то околоточным надзирателем. Комиссия признала доверчивость Ф.Э. Дзержинского к нему излишней, а факт выдачи мандата — ошибочным поступком, хотя сам он настаивал на объявлении себе выговора. Ленин вынужден был расстаться с Бонч-Бруевичем, отправив его директорствовать в один из совхозов⁶.

Отказ от политики военного коммунизма и переход к новой экономической политике способствовал быстрому восстановлению экономики, поднятию производительных сил страны. Но оживление крестьянского хозяйства и частного предпринимательства для многих стали свидетельством определенных преимуществ свободного рынка перед принудительным товарообменом, совершаемым государственными органами. Кадетский публицист и экономист Н.В. Устрялов усмотрел в этом отступлении не «тактику», а «эволюцию» большевизма.

Ленин видел эту опасность и предупреждал большевиков отнестись к ней серьезно, ибо то доверие, которое крестьяне оказали установлению нового строя, небеспредельно: «Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если употреблять коммерческий термин,

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ Выпуск № 22-23

спросит наличными»⁷. Сам он был «глубоко убежден» в том, что «если мы усвоим всю громадную опасность, которая заключается в НЭПе, и направим все наши силы на слабые пункты, то тогда мы эту задачу решим»⁸. Самым, наверное, слабым пунктом виделась ему проверка соревнования государственных и капиталистических предприятий. «Хозяйничать мы не умеем», — с сожалением констатировал он и призывал извлечь вывод из этого основного урока: «Либо... мы докажем обратное, либо сама советская власть существовать не может. И самая большая опасность — что не все это сознают»⁹. И снова и снова повторял и призывал обращать внимание: «Отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике. И это, если говорить по-нэповски, — векселя, но сроки на этих векселях не написаны, и когда они будут предъявлены ко взысканию, этого справкой с текстом векселя не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных торговых векселей»¹⁰.

Эта опасность многократно увеличивалась из-за того, что оживление рыночных отношений при сохранении не только регулирующих, но и мелочно-опекунских функций государства, стремившегося не выпускать из своих рук «командных высот» в управлении экономикой, социальными отношениями, создавало множество соблазнов для подкупа советского чиновника, создавало условия для его коррумпирования и сращивания (вплоть до «буржуазного перерождения») с нэпмановскими, то есть мелкобуржуазными, антисоциалистическими слоями общества.

Отрицательно отвечая на вопрос, сумели ли коммунисты сделать так, чтобы государство действовало по-ихнему, Ленин для иллюстрации прибегал к примеру, когда автомашина перестает слушаться руля: «Машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет что-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то Бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие. Но машина едет не совсем так, а часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»¹¹.

Это сравнение не казалось ему преувеличением. Неэффективность работы аппарата страшно угнетала его. Не был доволен он и работой своих коллег по правительству. Осенью 1921 года он дал указание отдать под гласный суд за волокиту коллегию Главметалла, но, встретив упорное сопротивление со стороны Высшего совета народного хозяйства и Наркомата юстиции, гневно выговаривал председателю ВСНХ П.А. Богданову, что за это всех «надо вешать на вонючих веревках», и предупреждал, что «наш когда-нибудь за это подес ДСМ повесят»¹².